

СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ КАК СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ

Антонченко В.В.¹

Ключевые слова: преступление, наказание, уголовное право, уголовная ответственность, криминология, правоохранение, лишение свободы, гуманизация.

Аннотация

Цель работы: выявление содержания и основных направлений уголовной политики как средства предупреждения преступности.

Методы исследования: обще- и частнонаучные инструменты познания: формально-логический, социологический, психологический, всеобщий диалектический и другие методы. Правовые отношения, правопорядок и правонарушения исследованы в рамках системного способа научного поиска. Наиболее универсальные взгляды на политико-правовую систему выражены через философские и мировоззренческие подходы познания.

Результаты исследования: профилактика преступности предполагает комплексное применение как общих (социальных и криминологических), так и специальных (уголовно-правовых) предупредительных мер, составляющих в своем единстве уголовную политику государства. Социальные меры более эффективны, но требуют властных усилий по значительному изменению общественных отношений и, следовательно, длительны во времени. Уголовно-правовые меры, которые в большинстве случаев реагируют на преступное деяние постфактум, также важны; они должны увеличивать стабильность социальной системы, не провоцировать рост социальной энтропии и усложнение конфликтов, а препятствовать этому, положительно влиять на индивидуальное, групповое и общественное правосознание. Отвечающая этим требованиям уголовная политика может быть эффективной, лишь следуя по пути рационализации, либерализации и гуманизации права и правоприменения в области уголовных и связанных с ними правоотношений.

EDN: QAYVXN

Введение и постановка задачи

Важными источниками для формирования эффективной уголовной политики являются историко-теоретические исследования в области противодействия преступности, изучение зарубежного положительного опыта в борьбе с преступностью и международные стандарты в сфере правоохранения и исполнения наказаний. Прежде всего, в основании проводимых государством мер по борьбе с преступностью должны лежать научно обоснованные и подтвержденные практикой выводы криминологов. Специально-криминологические меры профилактики преступных деяний направлены на причины и условия совершения преступлений², а узкое, специальное понимание содержания уголовной политики определяется прежде всего состоянием уголовного,

уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Позволяя детализировать предмет уголовной политики, оно касается применения специальных мер предупреждения преступности. Это понимание содержания уголовной политики, несмотря на его спорную эффективность, традиционно доминирует как в теории уголовного права, так и в правоохранительной практике.

Под криминальной экспансией традиционно понимается расширение масштаба и сферы деятельности организованных преступных групп (ОПГ). Поскольку доля преступлений, совершаемых ОПГ, в их общем массиве невелика, более оправданным под криминальной экспансией будет считать существенный рост любых видов преступности, угрожающий безопасности граждан, стабильности общества и государства.

² Аносов А.В., Старков В.И., Титушкина Е.Ю., Трунцевский Ю.В., Черняков С.А. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (термины, определения). М., 2016. 92 с.

¹ Антонченко Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточной пожарно-спасательной академии МЧС России, г. Владивосток, Российская Федерация. ORCID: 0000-0002-0319-562X. E-mail: antovadim@yandex.ru

Множество различных причин, центральное место среди которых занимают социальные и психологические факторы, детерминирует разные виды преступности. Это обуславливает неоднородность преступности, что, в свою очередь, требует широкого набора разнородных средств противодействия ей. Общесоциальные меры противодействия преступности можно полагать стратегическими, поскольку они более эффективны и способны влиять на обеспечение реальной безопасности общества. Вместе с тем такие меры и более сложны, они требуют серьезных временных, организационных, финансовых и многих иных затрат. По содержанию социальные меры состоят в изменении общественных отношений, непосредственным образом влияющих на ценности, нормы поведения и взаимодействия между людьми. Специальные предупредительные меры решают тактические задачи и направлены на сдерживание преступности и удержание её на социально приемлемом уровне. Они состоят в применении уголовного и связанного с ним законодательства и, по существу, вряд ли могут считаться профилактическими, поскольку в большинстве случаев применяются уже по факту совершенного преступления. В правовом государстве широкий набор разнородных средств противодействия преступности должен обладать общим свойством стремления к гуманизации. Эта закономерность следует не только центральному направлению развития права, но и вектору мировых цивилизационных процессов в целом, доказывая свою эффективность по изменению социального климата в обществе, влияющего на эмоциональное состояние людей, их правосознание и, в конечном счете, положительно воздействуя на основные детерминанты преступности.

Задачей статьи является введение в научный оборот нового подхода к понятию криминальной экспансии, некоторое приращение знания о существе криминологического и уголовно-правового компонентов уголовной политики, обнаружение системных дефектов, нивелирующих усилия государства по противодействию преступности.

Понятие криминальной экспансии

Под криминальной экспансией принято понимать процессы распространения организованной преступности, то есть противоправной деятельности, осуществляемой преступными организациями (преступными сообществами, группами, бандами), имеющими иерархическую структуру, определенную материальную базу и основанную на коррупционных механизмах связи с государственными, в том числе правоохранительными, структурами. В России, как и в большинстве стран мира, доля преступлений, совершаемых ОПГ, в общем количестве преступлений не является значительной. Из регистрируемых ежегодно более 2 млн преступлений на них приходится около 13—15 тыс., то есть менее 1%

[1]. Кроме того, деятельность управляемых и устойчивых групп преступников в определенных высокодоходных контролируемых сферах нацелена на извлечение максимальной прибыли³; поскольку к данным сферам подавляющее количество рядовых граждан отношения не имеют, постольку объектом интересов современной организованной преступности они в большинстве случаев не являются. В силу этого ограничение понятия криминальной экспансии расширением и развитием сферы организованной преступности не представляется актуальным. Под криминальной экспансией, помимо расширения роли и сфер деятельности преступных сообществ, справедливо также считать рост (расширение, распространение) любых социально значимых угроз правопорядку, безопасности граждан, а также национальным интересам, суть которых неотделима от благополучия населения.

В общем массиве преступлений криминологи выделяют множество отдельных групп преступности, различающихся по формальным признакам (пол, возраст, мотивы преступника) и сферам общественной жизни, подвергающихся ущербу (общественная безопасность, экономика, управление и т.д.)⁴. Представляется, что совершенно разных подходов в учете, оценке и предупреждении требуют прежде всего деяния умышленные и неосторожные. Далее, все умышленные преступления необходимо разделять на насильственные деяния, связанные с посягательствами на жизнь, здоровье и половую неприкосновенность человека, и корыстную преступность, угрожающую собственности, экономике, государственному управлению.

Динамика преступности в России с 1990 г. по настоящее время разнонаправленна. С 1990 г. по 2005 г. наблюдается резкий, почти в два раза, рост количества зарегистрированных преступлений: с 1 млн 839,5 тыс. до 3 млн 554,7 тыс. соответственно. Далее обнаруживается резкий спад этих показателей: до 2 млн 190,6 тыс. в 2014 г. В последующие годы количество выявленных общественно-опасных деяний остается стабильным и составляет около 2 млн официально взятых на учет преступлений⁵. Необходимо отметить, что любые показатели состояния и развития социума определяются особенностями учета, зависящими от свойств бюрократической системы на том или ином этапе своего существования, и нередко имеют субъективные корни. Это в полной мере относится и к показателям роста или снижения преступности, что снижает практическую ценность такой информации. По этой причине, а также в силу высокой латентности некоторых видов преступно-

³ Афанасьева О.Р., Гончарова М.В., Шиян В.И. Криминология. М. : Юрайт, 2017. С. 161—171.

⁴ Криминология : Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2007. С. 487.

⁵ Сайт МВД РФ // URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 27.09.2023).

сти данные статистических учетов могут быть далеки от реального положения дел.

Рост преступлений против собственности связан с ухудшением экономического положения населения. Увеличение количества преступлений в сфере экономической деятельности — с определенными условиями хозяйствования экономических субъектов и их изменением (например, приватизацией государственной собственности по значительно заниженным ценам путем проведения залоговых аукционов и т. п.). Рост бытовой преступности существенно образом детерминирован неблагоприятной социально-психологической ситуацией и деградацией значительной части населения, падением морали, нравственности, уровня культуры [2].

В результате исследования, проведенного автором в 2023 г., было выявлено, что граждан более волнуют риски правонарушающего поведения в их непосредственном окружении: на улице, в общественном месте, в быту (80% опрошенных), чем опасность пострадать от коррупционных преступлений (5%) или даже террористического акта (10%). Действительно, шансов стать объектом преступного посягательства пьяного хулигана, например, на пляже, в парке и тому подобных местах, у гражданина гораздо больше, чем стать жертвой коррумпированного представителя власти, деятельности организованного преступного сообщества или террористической организации.

Под криминальной экспансией справедливо понимать не только рост любых видов преступности, но и стабильно высокий уровень ее наиболее опасных видов, сохраняющийся длительное время. Особую озабоченность вызывает количество насильственных преступлений против жизни и здоровья. Так, количество убийств в России, несмотря на разнонаправленные колебания индексных показателей в последние 30 лет, продолжает в несколько раз превышать аналогичные показатели в США [3]. Между тем данный показатель, характеризующий модель разрешения конфликтов в обществе, находится в прямой зависимости от уровня социальной напряженности [4].

Е., 45 лет, в состоянии алкогольного опьянения в результате бытового конфликта убил из охотничьего ружья 9 человек (Редкино, Тверская область, 2017). П., 36 лет, ранее судимый за двойное убийство, вырезал семью из 5 человек: мужа, жену, сына, маленькую внучку и брата мужа (Джирим, Хакасия, 2021). П., 34 года, ранее судимый, ударил проходившую мимо 16-летнюю девушку. Когда жертва потеряла сознание, преступник оттащил ее в кусты, снял бижутерию и перерезал горло. По объяснению убийцы, убивать не планировал (Дивногорск, 2023)⁶. Таких примеров тысячи, но немногие из них

становятся широко известны, как, например, массовое убийство в станице Кущёвской Краснодарского края, где были убиты две семьи, всего 12 человек (2010)⁷. Количество подобных преступлений, отличающихся бессмысленной жестокостью, в России велико настолько, что позволяет говорить о формировании определенной их модели. Последний пример примечателен тем, что совершившая преступление ОПГ имела связи с органами власти и органами правопорядка, в том числе с прокуратурой⁸.

Ужесточение закона, в том числе и возвращение к практике смертной казни, как предлагают некоторые эксперты, неспособно предотвратить подобные преступления, поскольку не устраняет их психосоциальные детерминанты. Люди, совершающие такие преступления, безразличны к требованиям морали и нравственности, не знают правовых норм, не интересуются судебной практикой, не обладают эмпатией, способной удерживать от насилия при утрате контроля над собственными психическими процессами, и в большинстве случаев даже не могут объяснить мотивов совершенных поступков. Статистика свидетельствует о том, что не менее 40% всех бытовых и насильственных преступлений, а также актов вандализма совершается в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Ученые говорят о том, что к категории так называемой ситуативной преступности, которая не поддается профилактике правовыми средствами, относится одна треть всех умышленных преступлений, в том числе 70—80% насильственных преступлений [5].

Еще менее значима превентивная роль уголовно-правовых норм в отношении преступности с неосторожной формой вины, 100% которой относится к ситуативной (случайной). Динамика таких преступлений неблагоприятна: их количество в общем массиве преступлений за последние четыре десятилетия возросло с 5% до 9—12%. Именно неосторожные деяния приводят к катастрофам, авариям, чрезвычайным происшествиям и влекут за собой наиболее тяжкие последствия в виде гибели большого числа людей и крупного материального ущерба [6].

Имеющаяся сегодня уголовно-правовая классификация преступлений по объекту преступного посягательства, объективированная в действующем уголовном законе, не раскрывает проблему детерминации противоправного деяния и, соответственно, не решает задачи научно обоснованного противодействия ему. Так, например, статья 261 УК РФ, устанавливающая ответственность за уничтожение или повреждение лесных насаждений, содержит три части, одна из которых в качестве элемента субъективной стороны предусматривает неосторожность, а две другие — прямой умысел. Однако разная форма

⁶ Сайт Генеральной прокуратуры РФ // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1276574/> (дата обращения: 27.09.2023). Сайт ТАСС // URL: <https://tass.ru/proisshestiya/14435489> (дата обращения: 27.09.2023).

⁷ Сайт ИА «Вести» // URL: <https://www.vesti.ru/article/2666748> (дата обращения: 27.09.2023).

⁸ Путин: ситуации в Кущёвской и Гусь-Хрустальном — провал правоохранительной системы. Сайт ИА «Вести» // URL: <https://www.vesti.ru/article/2037245> (дата обращения: 27.09.2023).

вины заставляет говорить о различном генезисе совершенно разных преступлений и, таким образом, совершенно несхожих между собой мер их профилактики.

Превентивная роль уголовной политики

Предупредительно-профилактические усилия государства должны распространяться на все виды преступности, однако наиболее оправданы они в случае профессиональной, организованной, а также ситуативной преступности, условия для которой могут быть минимизированы средствами специально-криминологического предупреждения. Своевременно принятые меры упреждающего воздействия способны в какой-то степени предотвратить те преступления, которые могли бы быть совершены гражданами⁹. В случае же непредотвращения преступления государственные меры должны быть направлены на полное восстановление причиненного преступлением вреда. Так, например, лицо, совершающее насильственные преступления, должно быть изолировано от общества до того момента, пока не будут получены достоверные сведения о его безопасности, основанные, прежде всего, на медико-психологических и психиатрических данных. Наоборот, преступления против собственности должны влечь за собой возложение обязанности полностью (либо даже в кратном размере) возместить причиненный ущерб, в том числе и за счет конфискации имущества; воздействие уголовной репрессии на личность преступника в данном случае является и необоснованным, и нерациональным.

В научной среде до сих пор отсутствует единое понимание содержания уголовной политики. Не подвергается сомнению то, что уголовная политика является элементом социальной политики, однако само ее понятие нередко трактуется противоположно [7, с. 109; 8]. Наиболее общее признание того, что уголовная политика — это отношение к преступности государственной власти, вряд ли дает инструменты для практических действий и решений [9, с. 265].

В широком смысле уголовная политика государства связывается с любыми, как прямыми, так и косвенными, действиями власти, влияющими на состояние преступности [10, с. 179]. В этом понимании приоритет отдается не специальным мерам (криминологическим, уголовно-правовым, уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным), а гораздо более широким и важным мерам социального (прежде всего экономического и культурного) характера. Специалист в области уголовного и международного права австро-немецкий юрист Франц фон Лист (1851—1919 гг.) говорил о том, что лучшая уголовная политика — это политика социаль-

ная. В указанном выше понимании криминальной экспансии самым эффективным противодействием ей, действительно, является социальная политика в самом широком смысле.

Состояние преступности — это лишь одно и, представляется, не самое важное из последствий той или иной социально-экономической политики, проводящейся в государстве. Социальные проблемы являются комплексным показателем всего уровня развития общества и государства, не только его экономических возможностей и политической компетентности властных элит, но и уровня культуры, в том числе культуры правовой. Таким образом, коль скоро мы говорим о стратегии борьбы с преступностью, то нам необходимо ставить во главу угла социальные меры, искореняющие бедность, повышающие уровень культуры и правосознания. Социальное предупреждение преступности носит комплексный характер и направлено на максимально возможное избавление общества от присущих ему дефектов в сфере организации власти, на как можно более полную реализацию принципа равенства граждан в их доступе к распределению ресурсов, образованию и медицине, достижениям науки и культуры.

Общие меры должны вырабатываться на научном уровне и реализовываться в разумных правилах криминализации деяний, обоснованных принципах назначения и исполнения наказаний, стабильности и непротиворечивости законодательства, не только декларирующего приоритет прав человека, но и реально его обеспечивающего.

Вместе с тем социально-экономические условия существования общества задаются детерминантами, имеющими длительный и трудно изменяемый характер. Однако целенаправленное воздействие на преступность требует своего воплощения «здесь и сейчас», не дожидаясь позитивных трансформаций в социально-экономических, культурных и иных сферах жизни общества. Это обуславливает понимание уголовной политики в ее узком смысле, позволяющее конкретизировать предмет исследования и четче определить основополагающие принципы и направления в тактике борьбы с преступностью. Содержание уголовной политики в этом, тактическом понимании должно быть основано на праве и преследовать цель максимального снижения уровня преступности в заданных условиях, в той социальной и криминальной реальности, которую общество имеет в текущий период. Это заставляет согласиться с тем, что уголовная политика — это только та часть государственной политики в области борьбы с преступностью, которая осуществляется средствами и методами уголовного права [11].

Специальные меры предупреждения носят тактический и технический характер и реализуются правоохранительными органами: прокуратурой, Следственным комитетом, МВД и прочими. Специалисты давно осознают, что возможности уголов-

⁹ Криминология : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1984. С. 4—8.

ного права в борьбе с преступностью, в принципе, невелики [12]. Отягощенные же системными недостатками юридической техники и практики, они и вовсе способны приобретать отрицательное значение. Сегодня сто́ит признать, что стратегические цели правоохранения, заключающиеся в существенном снижении уровня преступности в стране, расходятся и с общими, и, еще более, со специальными мерами предупреждения.

Считается, что общепреventивным эффектом должна обладать криминализация деяний, признаваемых законодателем преступными. В рамках позитивного права социум, а точнее его верховные элиты, криминализуют те или иные деяния и конструируют нормы, определяющие их преступность и наказуемость. Криминализация — это достаточно условный и динамичный процесс, зависящий от множества факторов изменяющейся социальной среды и одновременно сам влияющий на ее развитие и трансформацию. Неэффективность специального уголовно-правового предупреждения преступности следует уже из дефектов формулировки; государство здесь в большинстве случаев не предупреждает преступное деяние, а реагирует на уже свершившееся: расследует дело, осуществляет судебное преследование, наказывает и исполняет наказание.

Preventивная роль специальных мер, как показывает практика, невелика. Подавляющее количество насильственных преступлений в России совершается людьми низкого социального и интеллектуального статуса, оказывающего преобладающее влияние на мотивацию поступков. Определенный круг общения, уровень образования и культуры, среда, в которой происходит развитие индивида, является серьезным сдерживающим фактором для формирования той степени правосознания, которая могла бы стратегически препятствовать криминальной экспансии.

Деятельность государства по защите граждан и общества от преступлений, основываясь на законодательных установлениях, вместе с тем подвергается существенному влиянию разнообразных объективных и субъективных факторов.

К объективным факторам относятся, прежде всего, государственные потребности и интересы, определяющие особенности политических отношений, состояние общественного правосознания и правовой культуры, формируемых в процессе культурного и правового обучения и воспитания, а также экономические возможности государства, обеспечивающие потребности правоохранительной и пенитенциарной систем и постпенитенциарное воздействие на лиц, отбывших наказание.

К субъективным факторам, определяющим содержание и состояние уголовной политики, относятся текущие интересы и цели правящих элит и субъектов правоохранительной деятельности. Традиционно большие полномочия субъектов правоохранительной деятельности, связанные с квалифика-

цией деяния, назначением наказания, широтой судебного усмотрения, характерные для норм отечественного уголовного законодательства, в условиях реального отсутствия состязательности в уголовном процессе позволяют реализовывать правовую норму в собственном понимании и интересе, далеко не всегда согласующимся с общепольными целями.

На эффективность уголовной политики влияет также качество законодательной техники, которая в условиях подчиненности права «большой» политике носит бессистемный характер. Достаточно сказать, что Уголовный кодекс России с начала его действия в 1997 г. до настоящего времени претерпел тысячи изменений, которые в него внесли более 300 федеральных законов и постановлений Конституционного суда РФ¹⁰. Подобное отсутствие стабильности уголовного закона обуславливает противоречивость уголовной политики и, как следствие, неэффективность правоохранения.

Ядром дискуссий о содержании уголовной политики является вопрос наказания: его законности, обоснованности, справедливости, целесообразности и эффективности. Эти признаки наказания рассматриваются юристами, да и обществом в целом в контексте определения оптимального уголовно-правового воздействия, которое должно наступать вследствие совершения противоправного деяния. Отсюда уголовная политика может характеризоваться по ее жесткости: от избыточно жесткой, связанной с максимальным карательным воздействием на личность преступника, до мягкой, отличающейся процессами либерализации и гуманизации [13].

Ключевым вопросом современной пенитенциарной политики России является определение места лишения свободы в системе уголовных наказаний, принципы его применения и подходы к назначению сроков данного вида наказания, расширение сферы применения наказаний, не связанных с лишением свободы [14]. Этот подход представляется обоснованным. Лишение человека свободы, тем более в условиях, далеких от представлений не только о гуманности и милосердии, но и о рациональности и целесообразности приводит к социальному регрессу и дезадаптации личности, препятствует возможности компенсировать потерпевшим вред, причиненный преступлением. Значительные, более 2 лет, сроки лишения свободы влекут за собой утрату трудовых, общественно-полезных навыков и мотивации к общественно полезной деятельности.

Несмотря на то, что в России число заключенных в местах лишения свободы к 2017 г. уменьшилось до самого низкого уровня со времен распада СССР и на 1 февраля 2023 г. является исторически минимальным (400 тыс. человек), еще, к сожалению, не изжит порочный опыт XX столетия, в соответствии с которым тюрьма (в широком смысле этого

¹⁰ Сайт ИПО «Гарант» // URL: <https://base.garant.ru/10108000/?ysclid=lluo8nkwi8975739867> (дата обращения: 27.09.2023).

слова) оказывает влияние на все формы духовной жизни общества и является одним из институтов, определяющих общественное правосознание и систему психосоциального отражения действительности. Подобное влияние криминальной субкультуры несовместимо с прогрессивным социальным развитием, достижениями в экономике и культуре.

Россия по-прежнему на первом месте по данному показателю в Европе (300 заключенных на 100 тыс. жителей); по-прежнему велики сроки лишения свободы: у более чем 55% заключенных срок лишения свободы превышает 5 лет, у четверти заключенных он составляет от 3 до 5 лет. Такие сроки наказаний в условиях российской тюрьмы, разрушающих здоровье и психику осужденных, обуславливают крайне неприемлемый для общества и дискредитирующий усилия правоохранительной системы уровень рецидивной преступности, составляющий сегодня не менее 44%.

Такое положение дел резко контрастирует с ситуацией в странах, отличающихся значительно более высоким состоянием упорядоченности общественных отношений, основанных на праве. Так, к лишению свободы в большинстве стран Европы приговариваются 9% осужденных (в России — 55%); средневропейский срок назначаемого лишения свободы составляет 16—20 месяцев (в России — 8 лет); рецидив всех видов в Европе составляет 20—25% (в России — не менее 47%).

Ключевой идеей, которая способна создать условие для положительных изменений в противодействии преступности в стране, является осознание потребности рационализации всей уголовно-правовой сферы, необходимости гуманизации уголовного права и либерализации уголовного закона. Закрепление в законе и общественном сознании идей гуманизма, основанных на принципах равенства, справедливости и человечности, не ослабит, как представляется, носителям доминирующих в обществе взглядов и стереотипов, основанных на обыденном уровне правопонимания, защищенность общества от криминальных угроз. Наоборот, большинством представителей научного сообщества этот подход признается сегодня ключевым для гармонизации общественных отношений и снижения уровня преступности [15]. Жесткая карательная политика государства оправдана, когда речь идет о противодействии профессиональной и организованной преступности. К индивидам, сознательно избравшим преступную модель поведения, закон должен быть суров, компромиссы в противодействии этому виду преступности неприемлемы. Однако, как уже говорилось выше, доля преступлений, совершаемых профессиональными преступниками и ОПГ, в общем массиве преступлений составляет менее 1%. Ученые-юристы четко осознают потребность как в «экономии» уголовной репрессии, так и в снижении ее «градуса», что позволило бы нор-

мализовать состояние социально-психологического климата в обществе.

Мировосприятие, формируемое на определенной системе ценностных ориентаций, определяет тот или иной уровень правосознания, который, в свою очередь, влияет на правопослушность поведения. Таким образом, гуманизация наказания, о необходимости которой давно и много говорят юристы, более, чем самим преступникам, нужна всему обществу, стремящемуся иметь положительные результаты в борьбе с преступностью. Среди разнонаправленных корректировок уголовного закона позитивные тенденции либерализации, направленные на совершенствование дифференциации уголовной ответственности, смягчение санкций, дополнение санкций альтернативными наказаниями, не связанными с лишением свободы, не являются ведущими. Однако даже этот незначительный положительный эффект от них нивелируется отсутствием четких установок и параметров проводимой уголовной политики, выхолащивается правоприменительной практикой, не имеющей примеров воплощения в реальной действительности научно обоснованных доктринальных принципов в области пенализации.

Плоды движения социума по пути либерализации закона и гуманизации уголовной политики поражают своей очевидностью. Так, Швейцария, Дания, Норвегия, занимающие высшие строчки в рейтинге наиболее безопасных стран с наименьшим уровнем преступности, отличаются не только крайне гуманным уголовным законодательством и наименьшим количеством (в относительном исчислении на 100 тыс. жителей) осужденных к лишению свободы, но и высоким уровнем содержания в пенитенциарных учреждениях. Самым безопасным регионом в мире является Скандинавия. Уровень убийств в этом регионе составляет 0,8 случая на 100 000 жителей¹¹. Наоборот, такие страны как Венесуэла, Афганистан, ЮАР, Бразилия, где уголовное законодательство и уголовная политика отличаются жесткостью, количество осужденных к лишению свободы велико, а условия их содержания крайне неблагоприятны, признаются наиболее опасными и неблагополучными с точки зрения уровня преступности. Количество умышленных убийств в них в десятки раз превышает аналогичные показатели в благополучных странах¹².

Системные дефекты уголовной политики

Поскольку содержанием уголовной политики является разработка целей и задач, а также выработка средств и методов борьбы с преступностью, по-

¹¹ Сайт РБК // URL: <https://www.rbc.ru/life/news/63be78889a794780681238ff> (дата обращения: 27.09.2023); Сайт “World Population Review” // URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/crime-rate-by-country> (дата обращения: 27.09.2023).

¹² Сайт Управления ООН по наркотикам и преступности // URL: https://www.unodc.org/?lf_id (дата обращения: 27.09.2023).

стольку можно обнаружить следующие системные дефекты, которые сегодня не позволяют достигать положительных результатов в этой деятельности.

— Уголовное законодательство, следуя политической конъюнктуре, подчинено реализации текущих целей и задач, не согласующихся со стратегическими направлениями борьбы с преступностью. Криминализация все большего количества деяний, ставшая тенденцией в последние годы, сама порождает преступность. Еще более подвержен ситуативным обстоятельствам, а не криминологически обусловленным доводам процесс пенализации, то есть оценки общественной опасности деяния, выражаемой через ужесточение или смягчение наказаний, а также судебной практикой через меру наказания.

— Законотворчество в сфере уголовного права носит крайне нестабильный и хаотичный характер. Существующая нестабильность дезориентирует как правоприменителя, так и общество. Многочисленные изменения уголовного закона подавляющей частью связаны с криминализацией новых деяний и ужесточением ответственности за уже имеющиеся в нем. Вместе с тем данная особенность отечественного уголовного законодательства не устраняет, а лишь увеличивает его пробельность, существенно снижающую качество правоприменения [16].

— Цели, ставящиеся законодателем, не имеют теоретико-методологического обеспечения. Так, например, заявленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели наказания (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений) не только не оснащены практическими инструментами, но и вызывают обоснованные сомнения в их принципиальной достижимости. При этом помехой для достижения указанных целей является именно излишняя и необоснованная репрессивность уголовного закона.

— Цели, указанные в концептуальных документах, не обеспечены ресурсами и надлежащими инструментами реализации. Так, например, сокращение рецидива преступлений за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи отбывшим наказание, провозглашенное целью Концепции развития уголовно-исполнительной системы, не обеспечено ни организационно, ни финансово, ни методически.

— Тактические задачи по пресечению распространения преступности не синхронизированы между собой. Необъяснимо существование наказаний, предусматривающих необоснованную широту судебного усмотрения. Например, наказание по ч. 4 ст. 111 УК предусматривает лишение свободы на срок от 2 месяцев до пятнадцати лет. Чрезвычайно широкие пределы судебного усмотрения провоцируют непоследовательность практики назначения уголовных наказаний и в целом несбалансированность карательной политики государства. Непостижимо также существование условного лишения сво-

боды, которое может назначаться в том числе и за тяжкие преступления (до 8 лет), подрывающего всю логику существующей системы наказаний. Непонятна логика законодателя, установившего уголовный штраф в размере от 5 тысяч рублей (ч. 2 ст. 46 УК РФ), в то время как административный штраф физическому лицу может быть назначен до 50 млн рублей (ст. 3.5 КоАП РФ); в то же время верхняя граница уголовного штрафа (500 млн рублей) не позволяет считать этот вид наказания наиболее мягким.

— Необъяснимым является создание составов преступлений, специальных по отношению к уже имеющимся. Так, например, мошенничество, предусмотренное ст. 159 УК РФ, в 2012 г. «размножилось» еще в 6 самостоятельных составов, отличающихся лишь объектом. Подобные новации уже давно дают основание для критики уголовного закона, превратившегося в результате многочисленных научно необоснованных новаций «в некое подобие лоскутного одеяла», наполненного внутренними противоречиями» [17].

Любое изменение законодательства — это необходимая, но не достаточная мера для того, чтобы достичь положительных результатов в практической правовой реальности. Для формирования уголовной политики, соответствующей требованиям современного государства, крайне необходима институциональная реформа всей правоохранительной сферы. Система повседневной деятельности, сложившаяся в правоохранительной практике, имеет свои установления, традиции и ценности, определяющие ее собственную внутреннюю логику, которая может противоречить любым прогрессивным трансформациям. Данное обстоятельство требует особенного учета субъективного фактора в практической деятельности по реализации концептуальных положений и принципов борьбы с преступностью. Так, существует обоснованное мнение о том, что процесс либерализации и гуманизации уголовного законодательства, начавшийся в 2009 г., был успешно саботирован, в частности, правоохранительной системой и судебским корпусом [18]. Изменение этого положения требует не только усилий по трансформации законодательства, но и настойчивой и кропотливой работы по разъяснению всем акторам правоохранительной сферы смысла уголовно-правовых реформ, отвечающих современным требованиям.

Сегодня в России существует острый запрос на качественное правотворчество и стабильность закона. Одним из основных факторов, способных оказать влияние на эффективность правоохранительной политики государства, является опора правоохранительной системы на общество. Закон и его исполнение должны быть рациональными, не расширяющими сферу «преступного» путем неоправданной криминализации, не создающими нездоровый социальный климат и тем более не способствующими профессионализации и специализации преступности в результате необоснованно больших

сроков лишения свободы и условий, препятствующих социализации человека. Уголовное законодательство не должно содержать пробелов, требующих затем бесчисленных поправок. Уголовная политика должна базироваться на доктринальных подходах и передовых достижениях отечественной и зарубежной криминологической и социологической наук, быть устойчивой, последовательной и вместе с тем адекватной изменениям общества и государства. Правовая система государства в целом и уголовная политика в частности должны не следовать изменяющейся политической конъюнктуре, а обеспечивать экономический и социальный прогресс государства и общества, однако указанные системные дефекты в данной сфере ставят под сомнение само существование уголовной политики как определенного и устойчивого направления в деятельности государства по защите граждан и общества от преступных посягательств и преступлений в целом [19].

Выводы

Социальные процессы в своем развитии не подчиняются единому прогрессивному вектору. К сожалению, приходится признать, что бытие и прогресс социума неотделимы и от негативных явлений, имеющих особенности своего генезиса, определяемые национальными, политическими, экономическими и иными детерминантами. Иными словами, вместе с прогрессом общества можно наблюдать и определенную эволюцию преступности и наших представлений о ней. Преступность сопровождала человечество на протяжении всей истории его существования. Преступления порождены цивилизацией; в природе, вне социума и государства, создающего право, нет ничего противоправного и преступного. Человеческое общество, развиваясь и освобождаясь от первобытного состояния, создает позитивное право и далее, получая в своем развитии осмысление высших цивилизационных ценностей, формирует представление о естественном праве и неотъемлемых правах, которые принадлежат человеку независимо от государства. Нет деяний, заведомо преступных; отношение социума даже к таким, казалось бы, очевидным злодеяниям, как убийству, насилию, грабежу и краже может варьироваться в очень широких пределах в зависимости от различных исторических и политических обстоятельств. Вместе с тем именно такие «классические» злодеяния более всего нарушают общественное спокойствие и, в отличие от преходящих во времени и различающихся по месту преступлений против идеологии, религии, веры и политических режимов, должны получать устойчивое противодействие со стороны правоохранительных систем всех государств.

Содержание уголовной политики государства должно определяться методами, выявляемыми научной проработкой криминологического и уголовно-правового воздействия на причины и условия

совершения разных видов преступлений: насильственных, корыстных, неосторожных и т. д. Эффективность правоприменения может быть повышена здесь качественным методическим обеспечением в данной сфере, совершенствованием подзаконных актов, определяющих порядок пресечения преступлений правоохранительными органами и организацию взаимодействия между ними. Эффективность практической деятельности субъектов предупреждения преступлений в большой степени зависит от совершенствования их организационно-управленческой деятельности: подготовки сотрудников, их мотивации, технической оснащенности и т. д.

Специально-криминологические меры предупреждения преступлений могут быть эффективными лишь в случае взаимодействия властных органов с институтами гражданского общества. Совместные усилия данных субъектов профилактики неотделимы от гуманизации уголовной политики как признания ценности человеческой личности, ее права на жизнь, свободу и безопасность, наиболее полную реализацию индивидуальных способностей и удовлетворение потребностей. Эти ценности как не зависящие от национальных, политических и иных особенностей можно полагать универсальными. Законодатель, закрепляя в качестве правовой нормы принцип гуманизма в статье 7 УК РФ, устанавливает, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства¹³. Гуманизация — это неизбежный объективный и направленный процесс изменения всего спектра общественных отношений от древности до наших дней. В полной мере это касается уголовного права и уголовной политики. Ушли в прошлое калечащие наказания и каторжные работы, в большинстве стран мира отменена или не применяется смертная казнь, расширяется сфера применения наказаний, не связанных с лишением свободы, устанавливаются особенности привлечения к ответственности и исполнения наказаний в отношении женщин и несовершеннолетних — все это является и мировым и российским трендами в области уголовного права. Движение общества к прогрессу в немалой степени зависит от состояния права. Современные стандарты прогресса уголовной политики неотделимы от понятий рационализации, либерализации и гуманизации уголовного права и всего спектра общественных отношений в целом. Безопасность человека и общества может быть достигнута лишь в условиях гражданского согласия, освобожденного от нерациональных, основанных на идеологических заблуждениях, религиозных, классовых и иных предрассудках, правил поведения и наказания.

¹³ Уголовный кодекс Российской Федерации / Федеральный закон РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 04.08.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.

Литература

1. Гончарова М.В., Шиян В.И. Состояние организованной преступности в России // Вестник Академии права и управления. 2018. № 1(50). С. 21—26.
2. Абызов Р.М., Ботвин И.В. Предупреждение бытовой насильственной преступности органами внутренних дел: проблемы и пути решения // Научный вестник Омской академии МВД России. № 4 (83). 2021. С. 301—305.
3. Антонян Ю.М., Верецагин В.А., Коимшиди Г.Ф. Наиболее опасные насильственные преступления в России // Россия и современный мир. 2001. № 2 (31). С. 116—125.
4. Насильственная преступность в России / Антонян Ю.М.; отв. ред.: Ананиан Л.Л.; гл. ред.: Кондрашков Н.Н. М. : ИНИОН РАН, 2001. 104 с.
5. Варыгин А.Н. О «ситуационной» преступности и ее особенностях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 2 (16). С. 34—38.
6. Воронин Ю.А. Неосторожная преступность: современные тенденции и проблемы предупреждения // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2019. Т. 19. № 1. С. 10—16. DOI: 10.14529/law190102 .
7. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 339 с.
8. Парфиненко И.П. Уголовно-правовая политика и ее роль в борьбе с проявлениями коррупции в органах местного самоуправления и государственной власти // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 2. С. 72—74.
9. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). СПб. : Изд-во СПбГУ, 2013. 598 с.
10. Герцензон А.А. Уголовное право и социология (проблемы социологии уголовного права и уголовной политики). М., 1970. 286 с. С. 179.
11. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М. : Наука, 2005. 365 с.
12. Лесников Г.Ю. Некоторые вопросы методологии уголовной политики // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 124—126.
13. Кравченко И.О. Либерализация и гуманизация уголовно-правовой политики // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 5. С. 565—577.
14. Рогова Е.В., Гайдай М.К. Человек: преступление и наказание // Пенитенциарная политика России. 2016. № 3 (94). С. 13—17.
15. Дубровина Е.С. Гуманизация уголовного права как тенденция общественного развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 161—172. DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-161-172 .
16. Максуров А.А. Пробелы в уголовном законодательстве: теория и практика установления и устранения : монография. М. : Русайнс, 2021. 120 с.
17. Коробеев А.И. Лоскутное одеяло Уголовного кодекса: чем и когда закончится гиперинфляция правовой политики современной России // Новая газета. 2013. № 20. С. 5.
18. Есаков Г.А., Дологов Р.О., Филатова М.А. и др. Уголовная политика: дорожная карта (2017—2025 гг.). Научный доклад. М. : ЦСР, 2017. 76 с.
19. Антонченко В.В. Неэффективность как имманентное свойство действующего уголовного наказания // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 2. С. 139—146. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.2.18 .

CRIMINAL LAW SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

THE CONTENT OF CRIMINAL POLICY AS A TOOL TO COUNTER CRIMINAL EXPANSION

Vadim Antonchenko¹⁴

Keywords: *crime, punishment, criminal law, criminal liability, criminology, law enforcement, deprivation of liberty, humanisation.*

Abstract

Purpose of the work: identifying the content and main lines of criminal policy as tools for crime prevention.

Methods of study: general and specific scientific instruments of cognition: the formal-logical, sociological, psychological, universal dialectical and other methods. Legal relations, law and order and offences are studied within the framework of a systemic scientific search method. The most universal views on the political and legal system are expressed using philosophical and wide world-view approaches to cognition.

Study findings: crime prevention involves complex application of both general (social and criminological) and special (criminal law) preventive measures whose unity constitutes the criminal policy of the state. Social measures are more efficient but they require certain efforts on the part of the authorities for significant changes in social relations and

¹⁴ Vadim Antonchenko, Ph.D. (Law), Associate Professor at the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Far East Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Vladivostok, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0319-562X. E-mail: antovadim@yandex.ru

are, therefore, time-consuming. Criminal law measures which in most cases react to a criminal action post factum are also important: they should increase the social system stability, not provoking but preventing the growth of social entropy and complication of conflicts and positively impacting individual, group and public legal awareness. A criminal policy meeting these requirements can only be efficient if it follows the path of rationalisation, liberalisation and humanisation of law and law enforcement in the field of criminal and related legal relations.

References

1. Goncharova M.V., Shiiian V.I. Sostoianie organizovannoi prestupnosti v Rossii. Vestnik Akademii prava i upravleniia, 2018, No. 1(50), pp. 21–26.
2. Abyzov R.M., Botvin I.V. Preduprezhdenie bytovoii nasil'stvennoii prestupnosti organami vnutrennikh del: problemy i puti resheniia. Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii, No. 4 (83), 2021, pp. 301–305.
3. Antonian Iu.M., Vereshchagin V.A., Koimshidi G.F. Naibolee opasnye nasil'stvennye prestupleniia v Rossii. Rossiia i sovremennyi mir, 2001, No. 2 (31), pp. 116–125.
4. Nasil'stvennaia prestupnost' v Rossii. Antonian Iu.M.; otv. red.: Ananian L.L.; gl. red.: Kondrashkov N.N. M. : INION RAN, 2001. 104 c.
5. Varygin A.N. O "situatsionnoi" prestupnosti i ee osobennostiakh. Vestnik Kazanskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii, 2014, No. 2 (16), pp. 34–38.
6. Voronin Iu.A. Neostorozhnaia prestupnost': sovremennye tendentsii i problemy preduprezhdeniia. Vestnik IuUrGU, seriia "Pravo", 2019, t. 19, No. 1, pp. 10–16. DOI: 10.14529/law190102 .
7. Lopashenko N.A. Osnovy ugolovno-pravovogo vozdeistviia. SPb. : Iuridicheskii tsentr Press, 2004. 339 c.
8. Parfinenko I.P. Ugolovno-pravovaia politika i ee rol' v bor'be s proiavleniiami korruptsii v organakh mestnogo samoupravleniia i gosudarstvennoi vlasti. Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniia, 2019, No. 2, pp. 72–74.
9. Aleksandrov A.I. Filosofii zla i filosofii prestupnosti (voprosy filosofii prava, ugolovnoi politiki i ugolovnogo protsesssa). SPb. : Izd-vo SPbGU, 2013. 598 pp.
10. Gertsenzon A.A. Ugolovnoe pravo i sotsiologiiia (problemy sotsiologii ugolovnogo prava i ugolovnoi politiki). M., 1970. 286 pp. P. 179.
11. Kudriavtsev V.N. Strategii bor'by s prestupnost'iu. M. : Nauka, 2005. 365 pp.
12. Lesnikov G.Iu. Nekotorye voprosy metodologii ugolovnoi politiki. Probely v rossiiskom zakonodatel'stve, 2013, No. 2, pp. 124–126.
13. Kravchenko I.O. Liberalizatsiia i gumanizatsiia ugolovno-pravovoi politiki. Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal, 2021, t. 15, No. 5, pp. 565–577.
14. Rogova E.V., Gaidai M.K. Chelovek: prestuplenie i nakazanie. Penitentsiarnaia politika Rossii, 2016, No. 3 (94), pp. 13–17.
15. Dubrovina E.S. Gumanizatsiia ugolovnogo prava kak tendentsiia obshchestvennogo razvitiia. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, seriia: Iurisprudentsiia, 2018, No. 4, pp. 161–172. DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-161-172 .
16. Maksurov A.A. Probely v ugolovnom zakonodatel'stve: teoriia i praktika ustanovleniia i ustraneniia : monografiia. M. : Rusains, 2021. 120 pp.
17. Korobeev A.I. Loskutnoe odeiialo Ugolovnogo kodeksa: chem i kogda zakonchitsia giperinflatsiia pravovoi politiki sovremennoi Rossii. Novaia gazeta, 2013, No. 20, p. 5.
18. Esakov G.A., Dolotov R.O., Filatova M.A. i dr. Ugolovnaia politika: dorozhnaia karta (2017–2025 gg.). Nauchnyi doklad. M. : TsSR, 2017. 76 pp.
19. Antonchenko V.V. Neeffektivnost' kak immanentnoe svoistvo deistvuiushchego ugolovnogo nakazaniia. Legal Concept = Pravovaia paradigma, 2023, t. 22, No. 2, pp. 139–146. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.2.18 .

